

Русский национальный
бестселлер

Джасур Исхаков

*Короткое, как вздох,
прощай...*

Повести

Джасур Исхаков
Короткое, как вздох, прощай...
Серия «Русский
национальный бестселлер»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42240283

*Д. И. Исхаков. Короткое, как вздох, прощай...: Интернациональный
Союз писателей; Москва; 2019
ISBN 978-5-00153-020-6*

Аннотация

В повести «Асик, или Сны о старом Ташкенте» с автором постоянно спорит его alter ego, второе «я». Двойник саркастически-ироничен по отношению к своему «хозяину», иногда беспощадно нетерпим. Но по большому счету он любит его. Герой второй повести «Короткое, как вздох, прощай...» возвращается в свой родной город спустя много лет. Конечно, это уже не его город. Но это путешествие снова и снова возвращает его в лучшее время, время любви и надежд. И он понимает, что годы бессмысленно растрачены на суету и погоню за успехом. А мечты так и остались лишь мечтами. Книга рассчитана на широкий круг читателей.

Содержание

Асик, или сны о старом Ташкенте	12
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Джасур Исхаков

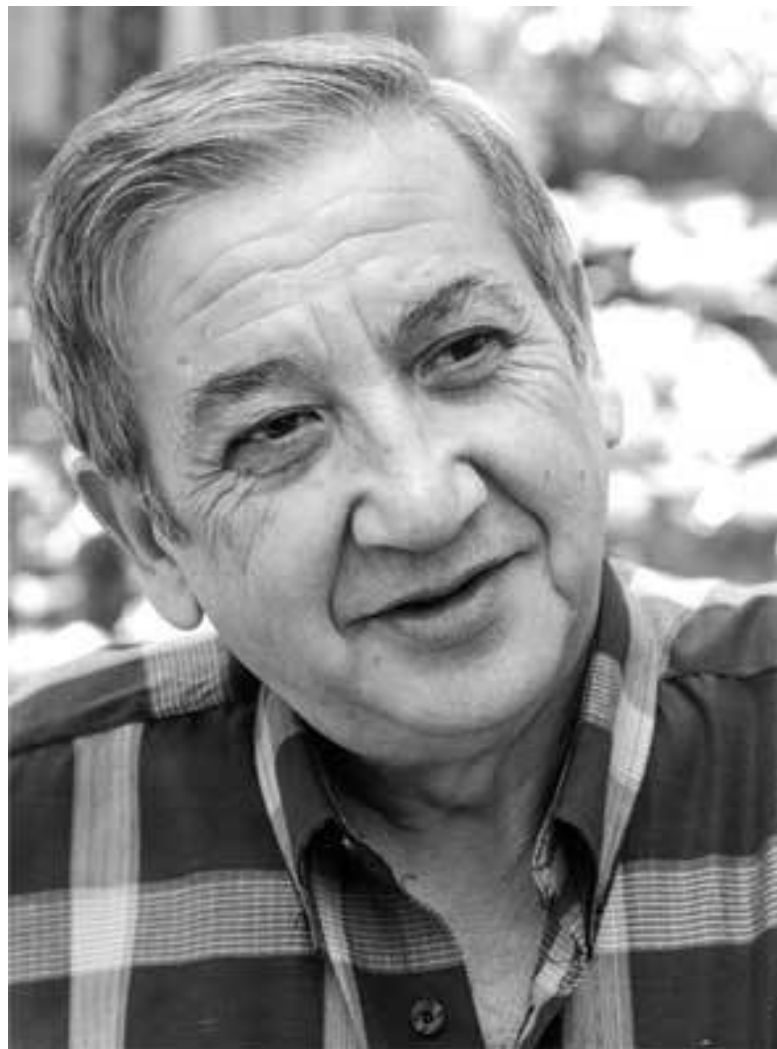
Короткое, как

вдох, прощай...

© Джасур Исхаков, 2019

© Интернациональный Союз писателей, 2019

* * *

Исхаков Джасур Ильхамович

Сценарист, театральный драматург, кинорежиссер. Родился в 1947 году в Ташкенте. В 1971 году окончил режиссерский факультет Ташкентского театрально-художественного института им. А. Н. Островского. В 1975 году с отличием окончил сценарное отделение Высших курсов при Госкино СССР.

Лауреат Государственной премии Узбекистана. Член Союза кинематографистов Узбекистана.

По сценариям Д. Исхакова поставлены художественные фильмы «Ясные ключи», 1977 год; «В стремнине бешеной реки» (2 серии), 1981 год; «Прощай, зелень лета!..» (совместно с Э. Ишмухамедовым), 1985 год; «Шок» (2 серии), 1987 год; «С любовью и болью» (4 серии, совместно с Э. Ишмухамедовым и О. Агишевым), 1989 год; «Взлет разрешается» («Судьба»), 1999 год; «Балли, Камалиддин!» («Вперед, Камалиддин!»), 2015 год; «Ота уй» («Отчий дом»), 2017 год.

В следующих фильмах является автором сценария и режиссером: «Останься!..», 1992 год; «Проклятие золотого коня» (4 серии), 1995 год; «Охота для настоящих мужчин», 2006 год; «Приключения в стране Чатранга», 2009 год. Фильм «День истины» посвящён 20-летию юбилею независимости республики Узбекистан (2011 год).

Художественный фильм «Прощай, зелень лета!..» получил ряд наград: «Золотой павлин» МКФ в г. Дели (Индия),

Гран-при на Всесоюзном фестивале в г. Алма-Ата (1986 год).

За этот же фильм Д. Исхаков удостоен звания лауреата Государственной премии Узбекистана.

Лауреат премии СК Узбекистана «Золотой грифон» за фильм «Останься» (Ташкент, 1992 год).

Фильм «Проклятие золотого коня» завоевал главный приз на кинофестивале «Правопорядок и общество» в г. Москве (1999 год), а также фильм «Охота для настоящих мужчин» награжден специальным призом в номинации «Приключенческий детектив» Международного фестиваля детективных фильмов и телепрограмм правоохранительной тематики DetectiveFEST («Закон и общество»), Москва (2009 год).

Фильм «Приключения в стране Чатранга» получил специальный приз жюри Международного кинофестиваля «Спорт, жизнь, кино» в Ташкенте (2009 год).

Участник МФК в г. Анапе «Киномалышок» (2009 г.).

На VI ереванском Международном кинофестивале для детей и юношества «Ролан» получил диплом «За лучшую режиссуру», а также «За показ природы родного края и использование современных технологий» (Ереван, 12 октября 2010 г.).

На Международном фестивале «Чунга-Чанга» в номинации «Искусство для детей» получил приз за лучший сценарий и режиссуру за фильм-сказку «Приключения в стране

Чатранга» (Москва, август 2012 года).

Автор сценариев и режиссер более сорока документальных фильмов: «На границе тишина», «Вкус октябрьского граната», «Трудные уроки», «Арена – родная земля», «Жизнь мусульман в СССР», «Мост дружбы», «Пахта», «Салтанат зла» (о проблемах наркомании), «Второе рождение» («Ахмад Аль Фергани»), «Сто лет цветения», «Риштанское чудо», «Во имя мира и безопасности», «Слово народа – слово истины», «Богом данное достояние» («Хлеб наш насущный»), «Хошар», «Сны», «Асад Исмаев», «Четыре дня мастера», «Центразбат», «Александр Файнберг», «Туган Реджеметов», «Актриса», «Искусство, любимое всеми», «Самаркандская бумага», «Дети войны», «Судьба, как эпоха» и др.

Документальный фильм «Салтанат зла» отмечен специальным дипломом за развитие темы борьбы с наркотиками (Штутгарт, 1998 год).

Фильм «Рустам Касымджанов» удостоен приза Международного кинофестиваля спортивных фильмов «Спорт, жизнь, кино» (Ташкент, 2007 год).

Документальный фильм «Дети войны», снятый на студии PR Media Tashkent, получил специальный приз жюри конкурса «Русский мир – память сердца», посвященного 65-летию Великой Победы (Москва, 2010 г.)

Национальная премия «Страна» телеканала «Россия», диплом экспертного совета и жюри, специальный приз в номи-

нации «За нашу Победу» (Москва, 7 декабря 2010 года).

Награждён специальным дипломом жюри «За освещение темы войны» на VII ереванском Международном кинофестивале для детей и юношества «Ролан» (Ереван, 23 октября 2011 г.).

Фильм «День истины» – номинант на лучший игровой фильм VIII Казанского международного кинофестиваля мусульманского кино 2012 года, XXI Открытого фестиваля кино стран СНГ, Латвии, Литвы и Эстонии «Киношок – 2012» в Анапе.

Участник IX международного кинофестиваля «Золотой абрикос» в Ереване, а также VIII международного кинофестиваля «Евразия – 2012».

По сценариям Д. Исхакова поставлен ряд мультипликационных фильмов – «Живая глина», «Про дождик и рожки», «Красный, желтый, золотой», «Сусамбиль», «Спита-мен», «Дорога и дети» и другие.

Автор сюжетов сатирических киножурналов «Наштар и «Зумраша».

Автор театральных пьес, поставленных в театрах Ташкента: «Продается на слом», «Мардикор», «Сатурналии – праздники для рабов», «Пончики для Анжи», «Буталок», «Азбука для маленьких пешеходов», «Сны о старом Ташкенте» («Плов» 1966 года).

Автор более двадцати рассказов.

Рассказ «Восьмой раунд с Робертом Тейлором» награж-

дён специальным дипломом «Выбор» на Шестом Международном мультимедийном фестивале «Живое слово». 1-е место Международного конкурса «Литературная Вена» (Вена, 2011 год).

Специальный диплом Ассоциации русскоговорящих авторов в Австралии и Новой Зеландии. Рассказ напечатан в сборнике Международного фестиваля «Литературная Вена – 2011».

Киносценарий Джасура Исхакова по народному эпосу «Алпамыш» стал лауреатом Гран-при – приза председателя Азиатского комитета «Сказительского искусства» в Международном конкурсе сценариев по мотивам мифов, сказок и эпосов народов Центральной Азии и Республики Корея – 2012.

Сценарий художественного фильма «Приключения принца Шерзода» завоевал звание лауреата приза Министерства по делам культуры и спорта Республики Узбекистан Международного конкурса сценариев по мотивам мифов, сказок и эпосов народов Центральной Азии и Республики Корея – 2012.

Сотрудничает с журналами. Автор ряда песен. Работает в области социальной и коммерческой рекламы.

В 2017 году была издана книга рассказов «Сны о старом Ташкенте». В журнале «Звезда Востока» была опубликована повесть «Асик, или Сны о старом Ташкенте». В этом же году снял документальный фильм «Судьба, как эпоха» о выдаю-

щемся учёном Т. Н. Кары-Ниязове. В 2018 году в журнале «Дружба народов» напечатан рассказ «Леди Гамильтон», а также в сборнике «22 июня» два рассказа: «Гроссмейстер» и «Матрос с эсминца «Гремящий». В 2018 году документальный фильм «Под небом единым» завоевал 1-е место в конкурсе «Великое и любимое отечество», посвящённом 27-летию независимости Республики Узбекистан.

В 2015–17 годах по сценариям, написанным совместно с Мастурой Исхаковой, были сняты фильмы «Балли, Камалиддин!» («Вперед, Камалиддин!»), «Ота уй» («Отчий дом»). «Ота уй» признан лучшим фильмом 2017 года.

С 2014 года вместе с Мастурой Исхаковой ведёт программу «Поговорим о кино» на радио «Классик FM». Записано уже более 100 программ.

Асик, или сны о старом Ташкенте

«Сияй, Ташкент, звезда Востока!»

Из популярной песни

Он всегда появляется неожиданно, впрочем, и исчезает так же непредсказуемо. Где он прятался сегодня? В сумке, наверное. Он ухитряется спрятаться где угодно, забиться в любое место, уместиться в любой дырке! Может сидеть под моей кепкой или в заднем кармане джинсов, в пыли под диваном или в салоне «Боинга», в кофре с кинокамерой или в бардачке моего жигулёнка.

— *Волнуешься?* — спросил он, когда я поднимался по ступенькам служебного входа в театр.

— *Да нет, с чего ты взял?* — стараясь говорить спокойно, ответил я.

— *Да ладно врать-то!* — Я хорошо знал эту интонацию: в ней одновременно были жалость и насмешка, ирония и сочувствие.

Хотя его не видно, я сразу определяю, что он рядом. Я его слышу. До чего ж противный у него голос. Хотя похож на мой. А те, с кем я беспечно болтаю или травлю бородатые анекдоты, и не догадываются, что у меня в это время есть ещё один собеседник, Асик. Я его ненавижу и одновременно люблю.

Откуда взялся? Потом расскажу, хотя знаю, что мой рассказ о нем будет запутанным и непонятным для закоренелых материалистов. Я редко кому рассказываю об Асике, а если и рассказываю, то обязательно появляются новые детали и нюансы. В таких случаях Асик строго говорит мне: «Фантазируй, но имей меру, как говорил Джавахарлал Неру!»

В уютной приемной главного режиссера миловидная девушка раскладывала на компьютере «Косынку». Она улыбнулась мне и сказала, что он сейчас придет. Только я успел сесть в мягкое кресло приёмной, как, сладко улыбаясь, вошёл главный режиссер.

– Старик, ну что же ты как неродной? Почему не проходишь?

И он широким жестом пригласил меня к себе в просторный кабинет.

Асик был тут как тут и с ходу стал шептать мне на ухо:

– Бойся, когда тебя встречают слишком радушно. Это первый признак преждевременного извинения и последующего отказа.

Маленький засранец! Неужели опять окажется прав?

В недавно отреставрированном здании бывшего «Дома знаний» теперь был театр с удобными кабинетами, гримерными, душевыми, но плохо приспособленной сценой, как жаловались актеры. Кабинет главного был обставлен богато и со вкусом.

– Да ладно тебе – «со вкусом»! Сейчас, если есть деньги, можно приобрести и вкус, и всё что угодно! – небрежно сказал Асик.

– Прошу тебя, заткнись!

Асик вздохнул и замолчал, недовольный.

Накануне я позвонил главному и сказал, что я в Ташкенте и хотел бы забрать пьесу. Краем глаза я увидел её, лежащую на полированной столешнице массивного стола среди других папок, книг и всякой всячины. Терпеть не могу визиты подобного рода. Не спросишь же вот так, с ходу: «Ну что, понравилось?» И поэтому, согласно особому этикету, выдуманному для таких случаев, начали трепаться обо всем, боясь задеть главное – пьесу, которую я занес месяца три назад, ещё зимой. Обговорили, покуривая, все сплетни театральной (и не только театральной) жизни, обсудили слишком дождливую весну, цены на Алайском базаре, которые растут как на дрожжах, отъезд кого-то и куда-то... Наконец, когда уже невозможно было более тянуть кота за хвост, он взял в руки мою пьесу, похлопал снисходительно по обложке.

– Ну, старик, в принципе мило... – сказал он, глядя мимо меня.

Если говорят «в принципе», значит, что-то не то и твой визит обречен на полную безнадегу. К этому у меня выработался устойчивый иммунитет. Я проглотил это «в принципе», понимая, что моя пьеса здесь, кажется, не нужна. Но «мило»... Это слащавое, липкое, как мокрая карамель, слово

означало одно: путного разговора не получится и зря я при-
таранил свой опус сюда. Асик оказался прав. Режиссер сооб-
щил мне, что в моей пьесе аж шестьдесят три действующих
лица, а у него в труппе всего лишь двадцать пять актеров.
Я представил, как он с калькулятором в руках подсчитывает
моих героев, и мне стало скучно. Во-первых, их всего сем-
надцать. Массовка не в счет. Можно обойтись и без неё или
решить условно. Во-вторых, я и задумывал пьесу про много-
людный, перенаселенный, разноязыкий двор своего детства.
Но смысла обсуждать этот довод режиссера не было. Я пога-
сил сигарету и хотел встать. Он понял, что всё-таки надо об-
судить пьесу. В который раз стал рассказывать, у каких вели-
ких мастеров он когда-то учился. Товстоногов, Лавров, Ко-
пелян... Имена, города, годы. Я хотел рассказать и про своих
учителей, но промолчал.

Асик моментально вмешался:

*– Что ты молчишь? Ты ведь тоже не лыком шит! Вспом-
ни и расскажи, как великий Каплер, обсуждая на защите
твой дипломный сценарий, спросил, положив руку на об-
ложку с названием сценария «Кто красит редиску?»: «Так
кто же её красит?» И ты ответил: «Бог».*

Да, я вспомнил. «Не читая сценарий, за одно только это
название ставлю пятерку!» – торжественно сказал тогда се-
довласый патриарх советского кино. А потом мне улыбнулся
и мягким тонким голосом произнес другой гениальный ки-
нодраматург нашего, того времени, Евгений Иосифович Га-

брилович: «Хорошо, любезный, что вы обращаетесь к теме детства. Вся наша жизнь – его всполохи, эхо... Там у вас хорошо про первый поцелуй».

Я промолчал.

И вдруг со вкусом, со звуками, с запахами увидел, услышал, почувствовал свой первый в жизни поцелуй. Тот самый, из моего детства.

Асик ехидно заявил:

– Ну конечно, приятное ты вспоминаешь, когда кто-то обижает тебя или пытается это сделать, и ты, как щит, выставляешь свои полузабытые грёзы! Когда это было!

Повторяю: более вредного существа, чем мой Асик, нет на свете!

А главный между тем продолжал:

– Старик, я, к примеру, спрашивал своих студентов, знают ли они, что такое «Кашгарка». И представь, никто не ответил мне! Не знают. Это для нас с тобой, для Шууха что-то ещё значит слово «Кашгарка».

Я хотел сказать, что «Кашгарка» – это всего лишь песня, которую я написал для одного своего фильма, а сам я жил на Балыкчинской, недалеко от зоопарка и парка Тельмана. Просто на Кашгарке жила моя первая любовь. А если проще, девочка, которая мне нравилась. Но я снова малодушно промолчал и остался сидеть в кожаном кресле, попивая принесенный секретаршей кофе.

– Понимаешь, зритель совсем не тот, каким ты его се-

бе представляешь. Ему сейчас нужна развлекаловка, хохмы, простенький сюжетец, голые попки... – покуривая, продолжал главный. – Театр практически на хозрасчете. Поставил я тут недавно Чехова: сыграли три спектакля, и зритель перестал ходить на него... А деньги-то истрачены! Кстати, знаешь, другие мои спектакли, почти все, идут с аншлагами. Как ни повернись, старик, бабки решают всё!

Конечно, это был уже серьезный довод. Бабки, деньги, ма-ни, лава, баксы и баксюты, «зеленые» и «деревянные», тугрики и сумы, золотые динары и медные гроши заняли в нашем обиходном словаре и жизни значительное место. Без них – ни шагу. «К сожалению», – мысленно вздохнул я.

Тут, конечно, вмешался Асик.

– Ладно тебе лукавить! Как будто ты не любишь хрустящего шелеста стодолларовой зеленой бумажки!

Я снова грустно вздохнул. И Асик, и главный были правы. Не факт, что на спектакль по моей не очень веселой пьесе мощной волной пошёл бы зритель, толкаясь у касс, теряя пуговицы. Режиссер понял, что я понимаю его сомнения, и могу простить ему его безмолвный отказ. Он улыбался, рассказывал анекдоты, и я в ответ тоже, как чудака на букву «м», рассказывал что-то и глупо улыбался в ответ. Как водится, он пригласил меня на свой новый спектакль, деловито порывшись на столе в поисках контрамарки.

– Итальянская штучка! Обхохочешься!

Я обещал прийти. Потом засунул пьесу в сумку. Мы мило

распрощались, и я вышел из кабинета.

В коридоре столкнулся со знакомым актёром. Всегда и всем он демонстрировал свой темперамент, это вошло в его плоть. И хоть мы были знакомы с ним довольно средненько, он завопил, сжимая меня в жарких объятиях:

– Сто лет! Как жизнь, старик, как здоровье? Говорят, запускаешься? Смотри не забудь про друзей! В картотеке «Узбекфильма» есть моя анкетка!

По ходу он рассказал мне анекдот, который я только что слышал в кабинете главного. Но промолчал и терпеливо дослушал до конца. «...разве это актер? Это говно, а не актёр! – сказал апостол Петр».

Пока он рассказывал мне анекдот, Асик только хмыкал.

– Вот-вот, радуешься, что тебя лично знают артисты! А они и не подозревают, что ты в сером списке и ещё долго тебе не дадут снять и документальную вампуку!

Мы распрощались, и я пошел к выходу. На ступеньках театра Асик злорадно спросил:

– Ну что, выкусил?

Я разозлился:

– Послушай, Асик, оглянись вокруг, посмотри, как хорошо! Что же ты всё ворчишь и ворчишь?

На самом деле, стояла классная погода. После дождя город был чист и уютен. Девушки уже сняли чулки и колготки, и это ещё больше украсило апрельские улицы.

Я бросил сумку с пьесой на заднее сиденье, завел машину

и поехал. Нельзя сказать, что у меня было отвратительное настроение. Я уже привык к таким разговорам и философски отметил про себя, что главный хотя бы прочитал мою пьесу. В другом театре эта пьеса пролежала без движения целый год и молодой режиссер так и не прочитал её. Более того, её потеряли, моя пьеса куда-то запропастилась. Завлит театра, жена режиссера, пожалала плечами, показывая, что она вообще в глаза её не видела. Вместо разговора получилась банальная склока. Я просто поругался с молодым, задорным режиссером, кричал, призывал его к совести, говорил, что ему не каждый день приносят пьесы о родном Ташкенте. Он, глядя на меня ясным взглядом, соврал, что ему такие пьесы приносят в большом количестве. Ну а про мою он просто замятовал. «Виноват, бывает...»

Асик тогда хохотал как сумасшедший:

— Эх ты, корпел вдали от родины, писал свою пьеску, слезы над нею проливал, мечтал, как её поставят в каком-нибудь театре родного города!

И сейчас Асик был прав. Здесь даже не соизволили прочитать эти сорок страничек текста!

На светофоре машина заглохла. Сзади нетерпеливо загудели. Кто-то даже сообщил мне, что я «чайник». Асик хохотнул, довольный.

«Чайник»... Более подходящего имени сегодня после похода в театр я не заслуживал. Домой ехать не хотелось. С друзьями в какой-нибудь гадюшник? Не то настроение. Во-

время вспомнил, что мне давно уже надо почистить карбюратор, да и свечи. Я поехал на станцию техобслуживания, что располагалась на пустыре напротив «пожарки».

Именно здесь когда-то пылились переулки и тупики той самой Кашгарки, и отсюда лунной ночью я уносил ноги от злых хулиганов. Речка, так же загибаясь, протекала мимо. Ах, Кашгарка, Кашгарка...

– Ну вот, загрустил! Сейчас заплачет! – произнес Асик. Но я не стал ему отвечать.

Автомеханик Боря, мой постоянный мастер, возился со старым «Москвичом». Он выглянул из ямы.

– Здорово, как живешь-поживаешь?

– Нормаляускас! – ответил я.

– Полчасика придется подождать, – сказал он мне приветливо.

– Нет проблем, Боря.

Минут пять я понаблюдал, как он работает, потом сел в свой жигулёнок, вставил любимую кассету в магнитофон. Старые песни действуют на меня успокаивающе. «Не уходи, тебя я умоляю, слова любви стократ я повторю, пусть осень у дверей, я это твердо знаю, но всё ж не уходи, тебе я говорю...»

– Громче сделай! – крикнул мне Боря. – Понял, да? Осень у дверей... Она давно уже в доме.

– Слишком ты с ним запанибрата, – сказал неприятно тихо Асик.

– Не будь снобом! Боря – хороший человек! И главное – мастер золотые руки!

Вообще-то мастера Борю звали Бори́, и когда его спрашивали, какой он национальности, он только смеялся: «В моих жилах течет коктейль «Мечта вампира». На самом деле мать Бори была наполовину татарка, наполовину еврейка, а те в свою очередь тоже были полукровками; отец Бори был наполовину памирский таджик (он ещё добавлял: «Может быть, потомок Александра Македонского») в смеси с кокандским узбеком. Такой вот сложный «микст». А если заглянуть ещё дальше, набралась бы ещё не одна дюжина народностей и племен. Это мне рассказал сам Боря, когда после очередного ремонта моей машины мы отправились на берег Салара выпить по кружечке пива. Я тогда оставил машину у сторожа автостанции. Уменьшительно-ласкательная «Кружечка пива» превратилась в тот день в очень тугого «ерша». Когда это было? Ещё до Америки.

Асик молчал – наверное, заснул.

Я взял в руки свою пьесу, разглядывая титульный лист.

«Сны о старом Ташкенте». Пьеса в трех действиях. Пальмара, Нью-Джерси, США, 2001 год.

После разговоров о неблагодарном зрителе, которому не нужны серьезные спектакли, а лучше легкие французские комедии, после математических подсчетов моих героев, после жалостливого рассказа о мизерной зарплате штатного персонала театра, после рассказов о капризах молодых ак-

трис, которые так и норовят свалить в Москву или в Питер, собственная пьеса показалась мне чужой, какой-то отстраненной. Словно не моей. Я стал считать действующих лиц моей пьесы.

Итак... Рассказчик снов, Малика – его мать, бригадир на хлебозаводе. Мумтоз – его отчим, инженер. Соседи по двору: Лола – учащаяся техникума, Кумуш, её мать – ткачиха с Текстильного. Санжар – историк, писатель. Хабиба, его жена – врач. Исаак Давыдович – продавец обувного магазина. Бронислава, его жена – продавщица газводы на углу Лахути. Махмуд – милиционер. Мамура, его жена – домохозяйка. Жданов – инвалид войны. Ольга, его жена – бухгалтер. Тельман – железнодорожник. Софья Ивановна – актриса. Гамлет – карточный шулер. Тохтаев – капитан милиции. А ещё – молочницы, медсестры, милиционеры, торговцы, ремесленники и так далее.

Да, главный режиссер прав, многовато героев. Откуда взять столько? Я стал читать дальше.

Тут проснулся Асик.

– Читаешь свой опус? Читай, читай! Уже седой человек, а напридумывал бог весть что! «Сны о старом Ташкенте»! Высокопарное варенье! Ландриновые кадрики из прошлой жизни! Дра-ма-тург! Занимался бы своим кино-домино! Как же вы все любите приукрашивать то время.

– Послушай, ты, циник и неврастеник! – не выдержал я. – В этой пьесе я хотел рассказать не только о своем детстве

и юности! Я хотел рассказать о Городе, о нашем дворе на Балыкчинской! О том, как мы жили бок о бок! Узбеки, русские, евреи, армяне, татары, казахи! Это был настоящий Вавилон. Было только одно, что отличало наш двор от того, разрушенного Вавилона, – все его жители худо или бедно знали русский язык. Какое-то время в нашем дворе жил кореец, настоящий, из Кореи! А совсем недалеко от нашего двора жил американец, боксер Сидней Джэксон! Уж он-то, наверное, понимал толк в том, где лучше жить?

Асик опять засмеялся своим противным смехом:

– Ах, сколько пафоса! Наивный! И при чём здесь заблудившийся боксёр? Ты ещё вспомни немцев, поляков, греков. Ну жили – и что в этом особенного?

Кассета кончилась, и я автоматически поменял её. Полилась божественная музыка Нино Роты.

– Всё, не хочу тебя слушать! – твёрдо сказал я Асику и стал листать пьесу.

Начиналась она с «Пожеланий». Может быть, Асик и прав, обзывая меня наивным и витающим в облаках? Но это написано моей рукой, там, в далекой Америке:

«Нисколько не желая вмешиваться в работу режиссера, художника, композитора, художника по костюмам или гримера, позволю все же высказать некоторые соображения по поводу постановки данной пьесы (если она, дай Бог, состоится). Очень важный компонент будущего спектакля – его атмосфера, дух. И именно здесь не может быть мелочей. Ко-

стюмы, детали одежды, головные уборы, даже прически героев, должны соответствовать времени действия пьесы. Было бы замечательно использовать настоящие предметы того времени – керосинки, примусы, патефоны, ребристые стиральные доски, наклейки на бутылках, передвижные газбудки, ножные точильные станки, медные тазы, жестяные рупоры керосинщиков, деревянные самокаты на подшипниках и многое другое. То, что ушло безвозвратно, но позволит окунуться в старые добрые времена».

Асик сидел на моем правом ухе.

– И ты ещё споришь со мной? Вспомни старый анекдот: «Съесть-то он съест, да кто ему даст»? Пойди найди всё это в реквизиторском цехе! Может, на «Мосфильм» смотаешься? Больные фантазии продавца ночного магазинчика на «газстейшн», то есть автозаправке, что на семьдесят третьем роуде, не доезжая до Филадельфии всего три километра!

– Послушай, Асик, можешь смеяться сколько тебе угодно, но дай дочитать до конца моё авторское вступление!

– Читай! Кто же тебе мешает?

Я его не видел, но чувствовал презрительную гримасу на личике.

«Не менее важно воссоздать звуковую и музыкальную атмосферу той эпохи. Ненавязчиво, почти незаметно по ходу спектакля должна звучать музыка Дунаевского, Цфасмана, Хренникова и других композиторов того времени. Хорошо,

если бы звучали старые песни в исполнении Тамары Ханум, Батыра Закирова, Леонида Утесова, Марка Бернеса».

Асик опять проявил свою несдержанность.

– Вот раздухарился! Фантазии переполняли его воспаленные мозги! Может быть, пригласить ещё и военный духовой оркестр из парка Тельмана?

Я только отмахнулся от него и продолжал читать вступление.

«Я не знаю, делали ли это в театре, но я был бы счастлив, если бы во время спектакля слегка пахло свежесвеженным хлебом, дымком шашлыка, политой вечером, накалившейся за день землей... Что, как мне кажется, бывает только в моем городе».

Асик перепрыгнул с уха на руль.

– Пожелания наивного автора продолжаются! Может, ты и плов настоящий хочешь делать на сцене?

– А почему бы и нет? – зло ответил я.

– Ах, как же ему хочется передать дух того Города! Конечно, через колоритные фигуры того времени! Тоже мне «Амаркорд» нашелся!

Это было слишком.

– Асик, не будь таким говнюком! Да, «Амаркорд»! У каждого человека в жизни есть свой «Амаркорд»! Да, я вспоминаю! Всё, не мешай мне!

«Действие спектакля начинается с улицы. У входа в театр регулирует движение знаменитый ташкентский милиционер

ОРУДа – Махмуд-ака Муїлов, человек с пышными буденовскими усами. Тот, которого снимали во всех киножурналах про Ташкент. Естественно, он в белой форме начала шестидесятых годов, с полосатым деревянным жезлом.

У самых дверей театра пышнотелая Бронислава, восседая на высоком стуле перед голубой будкой на велосипедных колесах, торгует газированной водой. Из колбочек льется струйкой сладчайший сироп – вишневый, лимонный, грушевый – какой захочешь, а из медного крантика в граненые стаканы скульптора Мухиной с шипением бьет газировка.

Здесь же арба, запряженная серым ишаком, где пустую бутылку можно обменять на шар жареной кукурузы или жестяную дудочку, а пять бутылок – на оловянный пугач – револьвер Нагана.

На углу стоит точильщик ножей, бровастый человек, и привычным голосом зазывает: «Подходи, чернобровые красавицы, хозяйшкы! Ножи, ножницы потача-а-й!»

Аккуратные старички, немец и его жена, предлагают зрителям свой товар: «Яйзы, мазло!» Яйца в красивой корзинке, а округлые куски вкуснейшего сливочного масла завернуты в чистую марлю.

Женщина, несущая на коромысле тяжеленные сумки и бидоны, кричит тонким, но сильным голосом: «Кисло-пресно молоко-о-о! Каймо-о-к!»

И, конечно, чумазый керосинщик с мятой трубой растреском басом разносит вокруг: «Кероси-и-и-н!»

– Конечно! А кобыла керосинщика в это время шлепает на бульжники мостовой свои ароматные навозные шары! – хохочет Асик.

– В кого ты такой... приземленный? – говорю я ему, хотя понимаю, что он и сейчас прав. Детали. Из них рождается правда.

Читаю дальше.

«У самых дверей театра старушка продает семечки, липкие красные леденцы-петушки на палочках, сладкий миндаль. «Семечки, кому семечки! Жареный, соленый!»

На ступенях стоит продавец лепешек. На голове у него плоская корзинка, сават, с патырами. «Исвежий, исвежий, горячий-горячий нон!»

Лысый одноглазый старичок-китаец, позвякивая своим нехитрым инструментом – лучком-сверлом, медными заклепками, жестяными носиками для чайников, предлагает свои услуги: «Пасуда пачи-ня-а-й!»

А ещё кто-то кричит речитативом: «Подходи народ, свой огород: половина сахар, половина мёд!»

Слышится гнусный смешок Асика:

– Размечтался-то как, автор, а? А вот ещё авторские директивы! Вы только послушайте, чего захотел!

«В фойе театра, как приметы времени, обязательно должны быть плакаты тех времен. Настоящая Доска почета. Стенгазеты.

Застекленные витрины с газетами. Кумачовые лозунги.

Портреты руководителей и членов Политбюро.

Карикатуры на бюрократов, стилияг, ревизиониста Иосипа Броз Тито и американских империалистов».

Асик прыснул:

– Не хватает пионерских горнов и барабанов!

– А что, можно добавить и это! Асик, ладно тебе придираться! Лучшие посмотри, какое хорошее начало...

«Занавес ещё закрыт, в полумраке зала зрители рассаживаются по местам, и наступает тишина. Только слышно, как звучит часовой механизм: «Крик-крак, крик-крак», а потом – знакомая всем мелодия перезвона Ташкентских курантов».

– Конечно, с немецким акцентом. – Асик хмыкнул. – Часовой механизм привёз из какого-то баварского городка ушлый капитан, настоящий ташкентец!

– Ну и что? Зато потом под этой баишей с часами назначались миллионы свиданий! «Встретимся под Курантами». И я тоже...

– Вот-вот! Всё на себя проецируешь! Читаем дальше! По моему, у тебя крыша поехала – предлагаешь, как играть актерам! Что же ты на себя так много берешь? – наигранно удивляется Асик.

– В пьесе этого нет! – говорю я твёрдо.

– В пьесе нет, это было бы слишком... Но в уме у тебя это было! Я всё-всё помню! – Асик опять засмеялся. – Я же читаю твои затаенные мысли.

Асик и в самом деле мог читать мои мысли. Иногда рань-

ше меня самого. Такой экстрасенс-невидимка.

«Если продолжать рекомендации и пожелания, автор хотел бы, чтобы:

а) Актер, играющий Рассказчика, не орал бы на сцене, думая, что перекатывания его баритона помогут спрятать его хилый талант.

б) Чтобы иногда он делал паузы, хотя бы внешне показывая, что он сейчас думает.

в) Чтобы он был симпатичен и лицом, и фигурой».

– *Это ты себя видел в образе «рассказчика»? Очень скромно!* – *хохочет Асик.*

– *До чего же ты противный! Давай послушаем первый монолог Рассказчика!*

– *Валяй!*

Я читаю:

«Память... Удивительная вещь. Что-то, казавшееся важным, напроць стирается, забывается, а какая-то мелочь – деталь, звук, запах – врезаются на всю жизнь. Вам, наверное, это знакомо... Когда в суете и маете жизни вдруг что-то мелькнет и из каких-то глубин нашего сознания всплывёт вдруг яркое, как солнечный луч, воспоминание. И защемит сердце. И слезы вдруг замутят глаза... И вдруг почувствуешь чье-то дыхание у самого своего уха... И прикосновение горячих губ... Память... Это лучше всякой машины времени, которую придумали фантасты. В тех романах люди чаще всего попадали в далекое будущее или в прошлое. А моя па-

мать, моя машина времени возвращает меня в мое детство, в мою юность...»

Асик взобрался мне на плечо.

– Ну ладно, это более-менее... А дальше ты пишешь следующее: «Рассказчик снов медленно идет по авансцене, подходит к стволу старой чинары. Прислоняется лбом к коре дерева». И опять начинается твой нудный монолог!

– Асик! Паразит! Ну почему «нудный»?

– Послушай сам!

«Этой чинаре много лет. Старое одинокое дерево стоит чуть в стороне от нового широкого проспекта, в десяти минутах ходьбы от нашего театра. Чудом сохранившаяся, она росла в нашем дворе. В нашем шумном, иногда грустном, а чаще смешном и счастливом мире. Я часто прихожу сюда. Стою, глажу кору, всматриваюсь вверх, в её густую крону, и стараюсь разглядеть в большой развилке наше мальчишечье гнездо... Нас было трое: Гриша, Паша и я. Это был наш штаб, наш командный пункт, место серьезных разговоров и наша исповедальня. Да мало ли чем было для нас это место на самой верхотуре, среди густой листвы. Город, тогда почти весь одноэтажный, был как на ладони... Ну, и двор... Он был как эта сцена...»

– Ну и что тебе здесь не нравится? – злюсь я.

– А то, что ты с самого начала, с первой ремарки начал врать! Чинара эта росла не во дворе, а на улице, а во дворе росли только чахлые кривые кусты сирени, которые каж-

дую весну вы все безжалостно обдирали!

– Послушай, умник: чинару я поставил во дворе, чтобы избавиться от детских ролей. Ненавижу, когда мальчиков и девочек играют пышногрудые травести с писклявыми голосками! Это специальный ход! Мы, дети, как бы здесь, но нас не видно. Понял, тупица?

– Хорошо, читаем дальше твое творение! – вздохнул недовольно Асик.

Только он принялся читать, как в кабину моей машины заглянул мастер автосервиса, Боря.

– Эй, заснул, что ли? Давай, братан, закатывай машину в бокс...

Я поставил машину на яму, поставил на ручник, дернул рычаг капота.

Первым делом Боря проверил масло.

– Слушайте, ботаники, сколько раз вам всем повторять: машина любит масло! А тут почти на нуле! Издеваешься над машиной!

– Да времени всё нет... – извинился я перед Борей.

– Ну-ка, включи зажигание.

Я засунул ключ в гнездо, повернул его, но машина ответила мне только коротким жужжанием и пукающим выхлопом. Завелась с третьей попытки.

Мастер укоризненно посмотрел на меня, потом достал свой постоянный атрибут – длинный «зековский» мундштук с заготовленной заранее сигаретой «Прима», закурил, вы-

пуская большие кольца, и стал прислушиваться к звуку мотора, как главный настройщик консерватории прислушивается к звуку концертного рояля перед приездом Вана Клиберна.

— Время найдется? — спросил механик. — Тут не на пару часов работы. Клапаны надо подрегулировать, ходовую подтянуть, шаровые поменять, масло, ну и так далее...

— Конечно, Боря. Рано или поздно надо заняться машиной. Сегодня у меня на самом деле совершенно свободный день.

— Ну началось! — сказал с глубоким вздохом Асик. Он терпеть не мог, когда я занимался чем-то реально физическим — что-нибудь чинил, или красил, или забивал гвозди. Даже когда я вынужден был наблюдать, как работают другие, Асик просто исчезал и его не было слышно. Вот и сейчас он пропал.

Боря стал отвинчивать гайки, ворчать, по обыкновению, о том, что за машиной нужен пригляд, что детали нынче дороги. Я не слышал его. Продолжал читать собственную пьесу.

«Да, Асик, ты во многом прав!» — подумал я.

Но Асик молчал.

«Обычный ташкентский двор конца пятидесятых — начала шестидесятых годов прошлого века. Слева виднеются кладовки, сортир с деревянной трубой, мусорный ящик. Посреди двора — чугунная водопроводная колонка, кусты сирени, на втором плане — старый двухэтажный дом с облезшей

штукатуркой. По всей видимости, его много раз перестраивали и достраивали, и сейчас, с разнокалиберными окнами и дверьми многочисленных квартир, он выглядит немного нелепо. На втором этаже – балахона, на которую ведет старая скрипучая лестница. Справа – покосившиеся ворота, почтовые ящики, ствол чинары».

Вдруг почувствовал присутствие Асика. Он вернулся, поняв, что я лично не буду участвовать в ремонте машины.

– Ну, это ещё терпимо, – услышал я его голос. – Ты просто констатируешь факты. Сухо. Буднично. Конкретно. Молодец, умеешь. Иногда.

«Наглая рожа», – подумал я про себя, но, как я уже говорил, Асик умел читать мои мысли.

– Прежде чем делать такие заявления, посмотри на себя в зеркало! Ты ведь не видишь меня! Может, я в сто раз лучше? А ты – «наглая рожа»! Эх!

– Ладно, извини, Асик, постараюсь больше не обижать тебя. Давай, читай дальше.

– С выражением? – съязвил Асик. – Ладно, ладно, не крути так желваками! Читаю!

«Ещё ночь, но небо уже светлеет перед рассветом.

Рассказчик снов обходит двор, вглядывается в темные ещё окна. Подходит к колонке, приникает к воде. Затем приставляет к стволу чинары лестницу, поднимается на дерево». Реплика кончилась, идет текст твоего Рассказчика: «Мы с Гришей и Пашей соорудили наверху целый дом из старых

досок, тряпок и картона. Как только наступали теплые дни, мы проводили здесь почти все время. Родители разрешали даже спать там. О нас забывали, и мы видели наш двор как на ладони. Сколько секретов мы узнали о наших соседях! Именно отсюда был виден душ, где в жару купались не только мужчины».

Асик рассмеялся.

– *Значит, подглядывали? Да, «Тимур и его команда»!*

– *Читай, не отвлекайся!*

«Здесь, наверху, был целый мир. Сколько мне было тогда? Лет тринадцать или четырнадцать. Именно здесь я плакал от горечи первой, неразделенной любви. Её звали Лола. Она была года на три старше меня». Снова ремарка: «Слышится приглушенный смех, шепот. Рассказчик снов оглядывается, встревоженно прислушиваясь». «Вот... Это она... Моя первая любовь... Правда, она так никогда и не узнала, как я её любил. В детстве разница в три года – это целая пропасть. А потом, девчонки взрослеют быстрее. По всем признакам. Ты ещё тощий скелетик с пробивающимися усиками, тонкими ручками и ребрышками наружу, а у них уже вырисовывается «гитара» и рвутся передние пуговицы на шелковых блузках. В тот день я слышал её голос и догадывался, что она целует-ся с каким-то ненавистным мне парнем.

– Ну всё, всё! Мне надо домой... Мама заругает! – шепот Лолы.

– Ну ещё минутку! Я тебя люблю, Лолка! Сильно-сильно!

– Пусти... Ой, ты мне кофточку помял!.. Смотри, звезда полетела! Загадай желание!

– Это спутник! – поправляет её пареньь.

– Фу ты какой! «Спутник»! Это звезда! Наша с тобой звезда... Ну всё...»

– На самом деле «всё!» Всё, хватит этих лирических соплей! – сурово произнес Асик. – И ты ещё удивляешься, почему режиссер не взял твою пьесу? Он правильно сделал! Первая сцена, а зритель ничего не видит! Только слышит! Это тупость и идиотизм! Театр тебе не радио! Не у всех такая богатая фантазия, чтобы по звукам понять, что происходит сейчас за кулисами. Если бы ты написал, что всё это происходит на сцене, у нас на глазах, зритель бы с интересом смотрел твой «спектакль». Представь, этот парень целовал бы её, прижимался бы к твоей Лоле. А она делала бы вид, что отстраняется, а на самом деле сама прикидается к нему. А может быть, он и под платье...

– Замолчи, дурак! Мне хотелось показать целомудренность моей героини! – закричал я.

– По-моему, ты с луны свалился! Отстал ты от реальности! Что сейчас показывают на подмостках всего мира? Клубничку, дешевые пошлости, кривляния. Или кровавые смертоубийства! И именно это очень нравится простому зрителю, который приносит свои денежки в театр. Всё везде одинаково – что на пресловутом Бродвее, что в Париже, что в Москве, что у нас. Ну, конечно, у нас всё скрытнее

и завуалированной. Но всё же! Этот режиссер знает свое дело!

– Слушай, Асик, ты ведь мне друг?

– Не знаю. Местами... – Асик засвистел мелодию: «Как много девушек хороших, как много ласковых имен...»

– Но ты должен меня понять, что тогда было другое время, другие отношения!

– Конечно, тогда и урюк был слаще, и снег холоднее! Слышали! И секса тогда не было! – категорически отрезал Асик.

Вспомнил, паразит, как одна задубевшая от неловкости девушка на телемосте «СССР – Америка» ляпнула на весь мир: «В СССР нет секса!» И лукавый Познер раздул (как он это хорошо умеет) эту нечаянно брошенную фразу. И началось, и закрутилось! «У нас нет секса! Все слышали? Нет, и всё тут! А во всем виноваты эти «совки»! Именно в это время почти все соревновались, как лучше и забористее окунуть собственное прошлое в грязь, как перечеркнуть то, чем мы жили. И эта фраза девицы с двумя извилинами в голове покатилась по всему свету, добавляя ко всем «огоньковским» и другим «разоблачениям» некий шарм, некую достоверность. «Нет секса!» Ну конечно – «Империя зла», что с неё взять? Бедные, бедные! Как же это они там живут?»

Асик, прочитавший мои мысли, сказал мрачно:

– Послушай, автор! Но ведь ты сам, сам был недоволен, был даже зол на то, что тебя тогда окружало, что со-

ставляло суть той жизни! Ты сам прилипал к приемнику и слушал на коротких волнах сквозь помехи глушилок «вражеские голоса». И чаще соглашался! Так что не заводись сильно! А то не хватает сейчас детского восторженного крика: «Спасибо партии и правительству за наше счастливое детство»!

На самом деле, я очень любил наш приемник «Восток», но больше слушал радиостанцию «Цейлон». Сквозь шипение, свист и перестук морзянок звучала изумительная музыка. Ритмичная, манящая. Потом я узнал, что это были песни Элвиса Пресли и Фрэнка Синатры. А тогда мы просто слушали «Зе рэдио оф Силон». И в наших головах возникали образы каких-то чудесных стран.

– Хозяин, – вовремя отвлек меня дядя Боря. – Надо кое-что подкупить по мелочам. А то магазин закроют.

Я отсчитал деньги на запчасти.

– Боря, а сколько работа будет стоить? – спросил я неуверенным голосом.

– Что, проблемы с деньгами?

– Как тебе сказать...

– Не волнуйся: не хватит – потом вернешь, мы ведь не первый день знакомы, – великодушно сказал Боря и ушел в автомагазинчик у ворот станции.

– *Вот, отдаешь остатки гонорара за высокое произведение киноискусства – «Развитие машинного доения в Сурхандарьинской области»!* – с сарказмом произнес Асик.

– Асик, как же ты любишь сыпать соль... на раны... Читай, а!

– «Не сыпь мне соль на раны, они и так зудят!» – пропел Асик и принялся читать пьесу. – Так, Рассказчик снов продолжает:

«Воспоминания... Они как сны. Иногда они бессвязны, а иногда конкретны, осязаемы. Как сейчас. Я, ещё мальчишка, там, наверху. И мне всё видно и всё слышно! Закрывать глаза и уши или упасть с дерева и разбиться насмерть прямо перед той девочкой из нашего двора, Лолой... Но вы меня не увидите. Вы увидите мои сны. Сны о моем городе, о Ташкенте, о нашем дворе, о моей первой любви...» Пошла ремарка: «Лола входит во двор. Она счастливо улыбается, напевает чуть слышно «Венский вальс» Штрауса, пританцовывает, кружится вокруг сирени. Скидывает туфельки на высоких каблукках, заходит за угол, стягивает с себя нарядное платье, надевает ситцевый халатик, домашние тапочки. В это время из дверей одной из многочисленных квартир выходит Исаак Давыдович с чашкой в руках. Наблюдает за танцующей девушкой. Кашляет. Лола испуганно оглядывается.

– Ой! Как я испугалась!

– Доброе утро... – улыбается Исаак.

– Здравствуйте, Исаак Давыдович...

Она пытается выглядеть серьезной, потом вдруг прыскает. – Я, наверное, похожа на дурочку?

– Почему? Совсем-таки нет!

– Только вы маме – ни-ни...

– Договорились... А ты здорово танцуешь!

– Мне кажется, я сейчас подпрыгну и полечу!

Подходит близко, шепчет на ухо:

– Дядя Исаак, я, кажется, влюбилась!

– Это не может казаться, девочка! Или любовь есть, или её нет!

– А вы... Вы влюблялись?

– Я? А почему нет? Каждый нормальный человек хоть раз в жизни болеет той странной болезнью. Хотя нет. Встречаются и те, кому это неизвестно. Но это несчастные люди, которые даже не подозревают об этом. Инвалиды души.

Лола, прихватив туфли и платье, осторожно лезет в окно.

Исаак подходит к водопроводу, наливает в чашку воды, сыплет из маленького пакетика лекарство, пьет, задумчиво присаживается на приступку крыльца.

За окном слышится грохот разбившегося стекла.

– Где ты шляешься? – голос матери Лолы.

– Мама, ну прошу, не кричи! Соседи услышат!»

Асик перестает читать.

– *Слушай, ну почему многие сцены ты прячешь от зрителя? Это так интересно – как реагирует мать этой твоей Лолы на её ночные приключения!*

– *Иногда лучше додумать, – сопротивляюсь я.*

– *Ты отстал от жизни. И от театра!* – говорит Асик менторским тоном. – *А следующая сцена, с этим железно-*

дорожником, о чем она, можешь мне объяснить? Читаю.

«Из своей квартиры выходит Тельман. На нем форма железнодорожника, в руках маленький чемоданчик. Он открывает пачку «Севера», долго разминает папиросу. Закуривает, замечает соседа.

– Доброе утро, Исаак Давыдович...

– А, Тельман... Здравствуй...

– Что, не спится?

– Да вот, бессонница замучила. Ровно в три, как петух, просыпаюсь, ворочаюсь и никак не могу заснуть.

– А вы попробуйте до ста досчитать. Например, один вагон, два вагона, три вагона – ну и так далее... И заснете!

– И до тысячи считал, правда не вагонов, – не помогает.

– Ну, тогда перед сном надо стопочку выпить...

– И это я пробовал. Ерунда... Знаешь, даже хорошо. Каждый день солнышко встречаю. А ты что так рано?

– Сегодня важный день... Поведем состав в двести вагонов! По примеру донецкого машиниста-стахановца Титаренко. Слышали про такого?

– Кто же не знает орденоносца Титаренко?

– Товарищ Васлиев, наш секретарь парткома, вчера нам сказал: «Ваше начинание – бросок в будущее! В коммунизм!» Красиво?

– Красиво... Но зачем?

Тельман подходит к Исааку ближе и, понизив голос, говорит:

– Только между нами... Я тоже так думаю. Зачем эта показуха? Но я вам ничего не говорил, ладно?

– Конечно!»

– Так, о чем эта сцена? – настойчиво повторяет Асик.

– А о том, что жили мы тогда по двойным стандартам: думали одно, говорили другое! – злюсь я.

– И кому это сейчас интересно? Всё это в прошлом, и поэтому это скучно!

– Если тебе скучно, тогда не слушай и не читай!

– Не нервничай так! Я же по-хорошему. Вот, пожалуйста, монолог об Исааке Давыдовиче. Почему именно о нем? И вообще, кто у тебя главный персонаж?

– Все в моей пьесе одинаково важны, неужели не понял? А главный персонаж – Рассказчик снов. Пожалуйста, почитай, я устал.

Асик читает:

«Исаак Давыдович... Когда я вспоминаю о нем, у меня сжимается сердце. Он работал продавцом в обувном магазине на улице Кирова. Его жена Броня продавала газировку на углу Лахути и Энгельса. Гриша, их сын, был моим лучшим другом, и когда его мама звала его к обеду, Исаак Давыдович строго говорил ей: «А почему только Гриша? Что, у тебя не хватит тарелки супа и для него?» Позже я узнал, что Исаак Давыдович пережил три еврейских погрома, в которых погибла вся его родня. А в сорок первом, когда они бежали из Одессы, от осколка фашистской авиабомбы погиб-

ла их десятилетняя дочка. Исаак Давыдович был очень добрым, особенно любил детей. Он был очень остроумным, но, когда шутил, глаза его оставались грустными. Он приносил из магазина оберточную бумагу и химические карандаши и учил нас с Гришкой рисовать. «Относись к людям так, как ты бы хотел, чтобы они относились к тебе», – сказал он мне как-то. Иногда я наблюдаю за людьми, за их поступками и думаю: не было у них в детстве своего Исаака Давыдовича».

Асик промолчал.

«То утро трудно назвать спокойным. Где-то рядом слышатся залиvistые милицейские свистки. Исаак прислушивается. Неожиданно с крыши сарая спрыгивает молодой парень с усиками, Гамлет. Сталкивается с Исааком.

– Здрасьте... – Он тяжело дышит от бега и оглядывается по сторонам.

– Доброе утро.

– Это... А где у вас здесь уборная?

– Туалет? Вот он, перед вами. Но я бы посоветовал пройти вот сюда.

Он открывает дверь кладовки. Гамлет быстро заходит в темноту. Исаак запирает дверь, пододвигает бочку к двери. В этот момент во двор вбегают капитан милиции Тохтаев и два милиционера.

– Никого тут не видели?

– Нет... А что?

– Да я своими глазами видел: он в этот двор нырнул!

– Посмотрите везде!

Милиционеры рыскают по двору, заглядывают во все углы, за мусорные ящики, в сортир.

– Я же вам говорю, сюда никто не заходил...

– Выходит, в соседний двор нырнул!

– Если не секрет, кого вы ищете?

– Кого-кого... Кого надо, того и ищем! Знаменитого карточного шулера Хасанова по кличке Гамлет. Слышали про такого?

– Конечно... Как про орденоснца Титаренко...

– Шутите? А ведь это бандит натуральный! Я его два месяца выслеживал. Хазу его нашел, уток подсадил...

– Каких уток?

– Ну, чтобы с поличным поймать. Двух кишлячных дуриков уговорил. А он у них и в самом деле двести рублей выиграл! Представляете? А когда мы в комнату ворвались, он в окно. Котовский! Мать его! Как всегда смылся, подлец! Но я его всё равно поймаю! Так здесь его точно не было?

– Если не верите, зачем спрашиваете?

– Верю, верю... Вот невезуха! А я уже полковнику о поимке этого Гамлета доложил! Извините, как вас зовут?

– Исаак Давыдович.

– Капитан Тохтаев. Так вот, Абрам Давыдович...

– Исаак...

– Так вот, Исаак Абрамович, если что подозрительное заметите, вы нам сигнализируйте...

– Конечно, почему не посигнализировать...

– Во... Люблю ответственных людей.

Исаак стучит по дереву.

– Вот так?

– Что?

– Ну, стучать...

– На что это вы намекаете?

– Я? Напекаю? Это вы намекаете. Я просто спрашиваю, как сигнализировать.

– Эх, Абрам Абрамович... Вроде взрослый человек, а позволяете себе такие шутки шутить!.. Интеллигенция! Товарища Сталина на вас нет!

– Простите, при чем здесь товарищ Сталин и я?

– Сами знаете... Ну ладно, мы пойдем.

– Будьте здоровы.

Оглядываясь, милиционеры уходят. Исаак, проводив их до ворот, быстро возвращается к кладовке, отодвигает бочку, отпирает замок.

– Так вот ты какой, Гамлет...

– Спасибо вам!

Протягивает Исааку деньги.

– Вот, возьмите... Вы меня здорово выручили, я всё слышал.

– Ничего ты не слышал, а я ничего не видел – договорились?

– А я вас знаю... На той неделе я у вас корочки покупал.

Вот эти... Помните?

– Нет, не помню... – Смотрит на туфли Гамлета. – Ага... Чешские, ЦЕБО, по тридцать два сорок.

– Хорошие туфли, кожа, только подошвы скользят немного. Ну ладно, побегу... Я ведь сразу понял, что эти лохи – утки подсадные... Ну, думаю, всё равно накажу. Вот, две сотни выиграл! Почти честно! Они со мной в секу решили играть, плебеи! Так что вы не стесняйтесь, берите, половину вы заработали.

Он кладет деньги на приступку и быстро уходит со двора.

– Послушай, Гамлет!..

– Не Гáмлет, а Гамлét! – поправляет его шулер.

Исаак подходит к крыльцу и, оглянувшись по сторонам, берет в руки оставленные деньги, пересчитывает их.

– Ровно сто. С ума сойти...

Он кладет их снова на приступок, смотрит на них со смешанным чувством. Потом решительно кладет их в карман пижамы.

– Это мне месяц работать надо!»

– *Эта сцена с Гамлетом у тебя ничего получилась, сойдет. «Боль-мень – пельмень!» Есть движение, есть действие. Немного юмора, – хвалит меня Асик.*

Из магазинчика возвращается Боря.

– Вот сдача, – говорит он.

Не глядя, я кладу деньги в карман.

– Между прочим, деньги счет любят... – говорит Асик.

– Слушай, Боря – честный и порядочный человек! Что в наше время большая редкость.

– Ты всё читаешь, читаешь. Глаза не болят? – заботливо спрашивает меня Боря.

– Да нет...

Боря через плечо читает название пьесы:

– «Сны о старом Ташкенте»... Исторический?

– Нет. Хотя не знаю...

– Вот именно! Признался наконец! – почти радостно шипит Асик. – Даже жанр собственного произведения не можешь определить!

– А я люблю романы Пикуля, – говорит Боря. – Читал?

– Читал.

– А про что *это*?

– Про Ташкент... Старый.

Боря знает, что я имею отношение к кино, потому что раза два мы приезжали на станцию вместе с другом, известным киноартистом.

– Кино будешь снимать?

– Нет, это пьеса, для театра.

– Сам придумал?

– Сам.

– Молодец. Уважаю. – Боря возвращается к моему мотору.

– *Ну вот, заслужил похвалу простого рабочего человека!* – говорит Асик. – *Ну что, читаем дальше?*

«Во двор входит Малика с сумкой в руке. Не замечая Иса-

ака, подходит к колонке, долго пьет воду, подставив ладони, потом стягивает с себя косынку и плещет водой в лицо.

Рассказчик снов:

– Это моя мама. Она работала в ночную смену на втором хлебозаводе. От неё всегда пахло свежеиспеченным хлебом и ещё чем-то неуловимым. Им на работе полагалось по две буханки, и у нас дома всегда бывал свежий хлеб – «серый», по шестнадцать копеек. Вкусный-вкусный.

Все на сцене замирают».

– Хорошо, – говорит Асик. – Но почему ты опять врешь? Твоя настоящая мама никогда не работала на хлебозаводе, а была врачом. Да и отчима у тебя никогда не было!

– Асик! Сколько можно повторять: Рассказчик – это вообще не я!

– А кто же?

– Это обобщенный образ! И вообще, у меня не документальная повесть или автобиография, а пьеса. Пье-са! И я имею право придумывать характеры, судьбы героев! И этот киношный прием – «Замри» мне тоже нравится. Вот, слушай!

«Рассказчик снов обходит застывшую мать, долго вглядывается в черты её лица. Неожиданно он отворачивается, закрывает лицо руками. Плечи его вздрагивают. Потом он оборачивается к зрителям. Говорит почти шепотом: «Расскажу о ней попозже, ладно?»

Я отложил пьесу, закурил. Боря тщательно чистил свечи,

переговаривался с соседом по яме.

Пошел дождь, сначала неуверенно, потом все сильнее. Гроыхнул гром. С крыши заструилась вода.

И вдруг отчетливо, словно это было только что, вспомнил.

Дождь бил в стекла магазина. Высоченный негр стоял перед моим прилавком и стучал ключами от «Линкольна» 1978 года выпуска, требуя внимания к своей светлой особе. Не помню, что ему тогда, в два часа ночи, было нужно... То ли пачку «Мальборо», то ли презерватив за девяносто девять центов. Я был так поглощен своей пьесой, что, подняв глаза, вздрогнул, не сразу поняв, где я... Мысленно я был там, в моем далеком Ташкенте, за тысячи миль от этого крохотного городка на юге штата Нью-Джерси, за тысячи, тысячи дней до того... Я поднял глаза, и негр посмотрел на меня недоуменно и высокомерно. Перед ним стоял немолодой уже человек с карандашом в руках, и по его щекам катились слезы и капали на листы толстой общей тетради. Он невольно оторвал меня от сцены, где я описывал судьбу матери моего главного героя. Конечно, у меня перед глазами была мама, моя родная мама. Для ночного посетителя всё это было слишком сложно. Негр ничего не понял, что-то невнятно пробурчал про этих придурков «рашен» и ушел под дождь, звякнув в дверях колокольчиком. Только тогда я понял, что без моей пьесы, без моих ночных бдений с карандашом в руке, без моих воспоминаний о дорогих и близких мне людях я бы просто сошел с ума, просто чокнулся в этом магазин-

чике. Проливной дождь, пришедший с Атлантики, стеклянные стены, блики от рекламных огней на бутылках колы, сигаретах, жвачках, конфетках создавали какое-то сюрреалистическое впечатление. Я был рыбой в каком-то аквариуме. Только наоборот – вода была снаружи, а я внутри.

Вдруг Асик заговорил голосом равнодушного гида: «Этот магазин был при заправочной станции в городке Пальмаре, на семьдесят третьей роуд, что в двух милях от Такони-бридж, что через реку Делавер, и в трех – от Филадельфии, штат Пенсильвания. Её называли «Крейзи рашен стэйшн» – «Сумасшедшая русская заправка». А «сумасшедшей» её называли потому, что здесь всегда было много машин и толчея. А много машин потому, что бензин «Регулар» продавался здесь на один цент дешевле, чем на соседних станциях».

– Спасибо, Асик, ты всё точно описал...

В ту ночь я уже не мог сочинять свою пьесу. Ополоснул лицо, включил любимую кассету и стал готовить булочки для утреннего сабвея. Сорок штук.

В ночном американском магазине звучал голос Иосифа Кобзона:

Летят перелетные птицы
В осенней дали голубой,
Летят они в жаркие страны,
А я остаюсь с тобой.
А я остаюсь с тобою,

Родная навеки страна.
Не нужен мне берег турецкий
И Африка мне не нужна.

Боря подошел к окну машины, внимательно посмотрел на меня, как врач-терапевт на больного:

– Что-то ты сегодня не такой, как всегда... Неприятности?

– Нет-нет, ничего, это так... Соринка в глаз попала.

Боря недоуменно отошел.

– *Вытри слёзы, неудобно перед людьми,* – сказал Асик, а сам тихонько всхлипнул. – *Читаем?*

– *Читаем.*

«Рассказчик уходит в зал, и сцена вновь оживает.

– Ой, Исаак Давыдович! А я вас не заметила! – произнесла Малика.

– Устала?

– Немного... В час ночи свет отключили, авария где-то... Ну, потом пришлось авральным способом. Хочу спать... Исаак Давыдович, у вас там босоножек для меня нет? Старые совсем поизносились. Так, что-нибудь простенькое, недорогое.

– Поищем... Но почему простенькое? Могу подобрать недорогое, но нарядное. Нам «скороходовские» завезли. Очень приличные, недорогие и модные.

– Куда же мне модные носить? Возраст уже не тот!

– Что же ты себя в старушки записала? Ты же молодая,

красивая!

– «Красивая»! Кому нужна эта красота? – Она вдруг всхлипывает. – Завод, замес, выпечка, трамвай, дом, трамвай, замес... Такая тоска иногда берет!

– Замуж тебе надо, Малика... Фарида уже не вернешь... А в доме мужчина должен быть. Сынок у тебя смышленный, добрый мальчик. Поймет тебя, надеюсь. Ну, поплачь, поплачь, легче будет. Я вот что сказать хотел. Только ты сразу не говори «нет». У меня есть один знакомый. Очень хороший человек. Тоже вдовец. Вы и по возрасту друг другу подходите. Я тебя с ним познакомлю. Всё! Ничего не говори! Иди поспи, отдохни.

Малика, вытирая слезы, уходит домой.

В этот момент на балахоне зажигается свет, слышатся крики. По лестнице сбегает Махмуд, усатый человек в синей майке и черных трусах.

– Исаак-ака! Можно от вас позвонить? Мамура рожает!..

– Идём. Только Броня ещё спит. Я тебе телефон в окно протяну.

Исаак скрывается за дверью. Через некоторое время выносит эбонитовый телефон на подоконник. Махмуд торопливо набирает «03».

– Алло, скорая?.. Приезжайте скорее! Жена вдруг рожает!.. Температура? Не знаю... Сколько лет? Мне? Ах, ей? Тридцать, наверное... Фамилия? Как её фамилия? Это... Туйчиева... Адрес? Балыкчинская, шестнадцать! Я

вас очень прошу, быстрее!

Махмуд бежит наверх, выводит жену Мамуру. Она держится за огромный живот. Махмуд осторожно ведет её по скрипучим ступенькам.

И снова всё на сцене застывает в стоп-кадре.

Рассказчик поднимается по лестнице».

– ...Заказ-самса! Кому заказ-самса? Пирожки! – Крик торговки отрывает меня от чтения. Женщина со старой детской коляской подходит к нашему боксу. – Дядя Боря, кушать принесла! Горячие! Руки мойте!

В коляске, под чистенькой тряпкой золотятся бока заказ-самсы, здесь же большой китайский термос, пиалушки, бумажные салфетки. Полный сервис. Или, как говорили на газстейшн, «фул-сервис».

Дождь прошел, и воздух изумительно чист. Сидим, устроившись на низеньких табуретках, постелив на ящик из-под патронов газетку. Едим обжигающую вкусную самсу.

Иногда такие уличные перекусы во сто крат лучше, чем ресторанное застолье.

– Молодчина Сокина-апа, не халтурит! – довольно говорит Боря, запивая чаем самсу. – И тесто хорошее, слоеное, и мяса достаточно... И думба. Всё как полагается.

– Да, вкусно.

Асик молчит. Что ему, бестелесному, до этого праздника живота?

И вдруг пререзается:

– «Какая, на фиг, пицца с заказ-самсой сравнится!»! – декламирует он крикливо.

– Что это ты улыбаешься? – спрашивает меня Боря.

– Да так, вспомнил... Дядь Борь, а вы помните, в Ташкенте был такой милиционер с огромными усами, Махмуд Муйлов? Обычно он на перекрестке около цирка стоял...

– Какой ещё Махмуд? Его звали Абдужаббором! И мы были друзьями. – Боря улыбается. – Хороший был человек. Только рано ушел. А чего ты о нем вдруг вспомнил?

– Как вам сказать? Он... один из персонажей моей пьесы. Он был нашим соседом.

– А ты где жил?

– На Балыкчинской, около зоопарка.

– Неправда! – возмущенно говорит Боря. – Мы с Абдужаббором жили здесь, на Кашгарке. Вот на пригорке, примерно где грузовик сейчас стоит, за кожаным цехом наш тупичок был.

– Может, вы путаете что-то? Его ещё в кино снимали...

– Снимали... Но его точно не Махмудом звали! Абдужаббором! Это ты что-то путаешь!

– *Облажлся, писатель!* – довольно говорит Асик. – *Вот куда заносят твои фантазии!*

– *Да ничего я не перепутал. Он жил в нашем дворе!* – отвечаю я Асику.

Вслух добавляю:

– Может, он был в Ташкенте не один такой?

– Не знаю. Я только одного знал, регулировщика Абду-жаббора!

Он встает, хмуро смотрит на меня.

– Ладно, работать надо.

Я беру в руки пьесу, читаю.

«Гордость нашего двора, своего рода знаменитость – Махмуд-ака Муйлов! Он работал в милиции, в ОРУДе. Сейчас бы его называли гаишником. Он стоял в самом центре Ташкента и регулировал движение. Машин тогда было мало. Движение было спокойным и размеренным. Однажды его сняли для киножурнала, конечно, за его великолепные усы! Потом весь наш двор ходил несколько раз в летний кино-театр в парке Тельмана, чтобы посмотреть на Махмуда-аку! Мы им очень гордились! А потом все кому не лень стали его снимать в кино, и постепенно к этому привыкли. Каждый документальный фильм о Ташкенте начинался с кадра, где Махмуд-ака регулирует движение. А однажды в Ташкент приехал легендарный маршал Семен Буденный. Из своего «ЗИСа» он увидел нашего соседа, Махмуда-аку. Попросил остановиться. Вышел, поздоровался с ним. Как рассказывают, попросил зеркало и стал сравнивать свои усы с усами Махмуда. Потом снял с себя часы и подарил их ему! Мы, мальчишки, всё хотели хоть краем глаза взглянуть на эти знаменитые часы, но Махмуд-ака сказал, что они переданы на вечное хранение в музей ташкентской милиции. Вот так! А дома Махмуд-ака был скромнейшим человеком. Он делал плов,

лучше которого я после этого никогда не пробовал. У него было пятеро детей, и все девочки! Его успокаивали, хвалили, мол, делать девочек, дорогой Махмуд, это ювелирная работа! Но он только нервничал и кричал, что он не хочет быть ювелиром, а хочет иметь сына, наследника! Махмуд-ака... У него в кармане всегда находилась какая-нибудь ириска или курт для всей ребятни двора. До сих пор я вижу его в старых фильмах... Ещё молодого, с огромными черными усами».

Рассказчик снов возвращается в зрительный зал, а сцена снова оживает.

– Ой... Мама... Ой, вот... Уже! Ой! Махмуд-ака! Ой, умру! – кричит, кусая губы жена Махмуда, Мамура.

– Ну потерпи... Сейчас скорая приедет... Вот, только осторожнее. Здесь доска сломана...

– «Сломана»! Я вам уже два года про эту доску гнилую талдычу, а вы все никак не почините! Ой, что же это? Ой! Начинается!

– Потерпи...

Загораются окна квартир. На шум выходят соседи, инвалид Жданов. Он без одной ноги, опирается на костыли и его жена, Ольга.

– Что случилось? Ой, Мамурочка, началось, что ли?

– Ещё как! – Мамура всхлипывает, бьет кулачками Махмуда по плечу. – Это ты, ты во всем виноват!

– Я?!

– А кто же! Легулировщик!

– Ты че плачешь-то? – спрашивает, зевая, Жданов.

– Больно-о-о!

– Потерпи, голубушка. А скорую вызвали? – спрашивает

Ольга.

– Да вот, ждем!...

– На скорую надежды мало! Машину надо ловить. А может, на трамвае? – предлагает Жданов.

– Еще чего придумал! «На трамвае»!

– А чего? Был бы о двух ногах, на руках донес бы!

Постепенно двор заполняется соседями. Выходят жена Исаака Бронислава, Кумуш с Лолой, София Илларионовна с накрученными бигудями. И ещё соседи без реплик и имён».

– Да, – задумчиво произносит Асик. – Если бы сюда еще прибавить многочисленных детей этого двора, была бы интересная сцена. Настоящая воскресная толкучка на Тези-ковке!

– Я же говорил – в театре лучшие без детей! – отвечаю я. – Это в кино можно... Ну же, читай!

«– Олечка, что за шум? Невозможно заснуть! – раздраженно говорит София Илларионовна.

– Да вот, у Мамуры схватки начались...

– Как? Опять?

– Не опять, а снова! Доброе утро, София Илларионовна!

– У меня в одиннадцать генеральная репетиция! Я буду ужасно выглядеть! Какой-то кошмар! У меня нервная работа! Мне необходимо выспаться!

– Эх, Софа, Софа! Разве дело во сне? – Жданов присаживается на крыльце. – Вот вам уже сколько лет?

– Женщинам подобные вопросы не задают! – почти зло произносит актриса.

– Вот-вот... А всё мечтаете Дездемону сыграть!

– Во-первых, не Дездемону, а госпожу Бовари! А во-вторых, Жданов, вы невоспитанны и грубы!

– Ох-ох, госпожа, простите, пожалуйста! Вот интеллигенция! Здесь человек на свет рождается, а ей, видите ли, спать не дают!

– Если бы я была мужчиной, я вызвала бы вас на дуэль!

– Меня? На дуэль? – Жданов хохочет. – На саблях или на пистолетах?

Софья уходит, смерив Жданова выразительным взглядом. Все, кроме Мамуры, смеются.

Из правой двери балахоны выходит Хабиба. На плечах шаль, в руке – папироса.

– Что случилось? – спрашивает она.

– Меня Софочка на дуэль вызвала!

– У Мамуры схватки, а скорой нет до сих пор...

– Ой... Не могу больше! Ой, мамочка! – стонет Мамура.

– Я помогу... – говорит Хабиба.

– Не надо мне твоей помощи! – вдруг кричит Мамура с неприязнью, глядя на неё.

– Мамура, что же ты так? Она хочет помочь тебе! – говорит Ольга.

– Пусть лучше себе поможет!

– Слушайте, успокойте свою женушку! – говорит Хабиба Махмуду. – Это может плохо кончиться. Я говорю это как врач...

– Да, я знаю...

– О чем это вы там шепчетесь? – подозрительно спрашивает Мамура.

– Мамура...

– Тридцать лет как Мамура! – истерично кричит женщина. – Я всё, всё вижу. Своего мужика нет, так на чужих заглядываешься! Глазки строишь!

– Вы понимаете, о чем говорите?! Вы... Вы не в себе!

– Понимаю! Я тебя насквозь вижу! В расцвете лет, молодая, красивая, а пять лет без мужика!

– Возьми себя в руки... Хабиба – опытный врач, она поможет тебе... – говорит примирительно Бронислава.

– Не надо мне... Ой! Больно!

– Ну всё! Хватит! – решительно говорит Хабиба. – Так, наверх ей не подняться... Исаак Давыдович, роды будем принимать у вас в квартире. Жданов, пожалуйста, поставьте кипятить воду. Скорее, Броня, помоги ей встать... Махмуд, что сидишь!

Она быстро поднимается к себе, выходит в белом халате. Двор приходит в движение. Мамуру с трудом заносят в дом Исаака. Жданов начинает разжигать примус, Ольга бежит за водой, Кумуш несет чистые простыни. Женщины скрывают-

ся в доме.

– Прямо военно-полевой госпиталь! – говорит Жданов».

– Включи зажигание! – кричит Боря.

Я завожу машину с первого поворота ключа.

– Ну как? Есть разница? – Боря знает, что разница, да ещё какая, есть, и улыбается.

Двигатель моей машины, который до этого астматично чихал и внутри которого звенели невидимые колокольчики, работал сейчас тихо, ровно и сильно.

– Конечно, Боря! Ты волшебник! – сказал я.

– *Ладно тебе! – почти с ревностью произнёс Асик. – «Волшебник!»! Этих работяг никогда нельзя перехваливать! А то или нос задерут, или цену себе начнут заламывать!*

– *Ты стал мелким занудой!* – жестко говорю я Асику. – *За любой труд надо платить достойно!*

– *Конечно! – В голосе Асика сквозит ирония. – Теоретически ты прав. Но вспомни, сколько раз тебя надували, не моргнув глазом. О какой достойной оплате ты говоришь?*

Асик тут прав. Было такое. И не раз.

Боря закуривает. Он всегда изящно держит в замасленных пальцах наборный мундштук. Такие делают в зангиатинской зоне из пластмассовых ручек зубных щеток.

– Красивый мундштук, – сказал я.

Боря протянул его мне. Разноцветные пластмассовые шайбы, накрученные на медный стержень с резьбой, были подобраны с большим вкусом.

– Могу подарить, у меня их много, – сказал Боря и отдал мне мундштук.

– Спасибо за подарок.

– *Между прочим, мог бы и новый подарить, – сказал занудливо Асик.*

– Постой, лучше я тебе новый, необкуренный дам, – словно услышав претензии Асика, сказал Боря и побежал в свою будку. Вернулся с новым, сверкающим мундштуком. Тот был с золотистым оттенком, много лучше первого.

– *Классный!* – восхищенно сказал вдруг Асик.

И я повторил за ним: «Классный!»

– Кури на здоровье, – улыбнулся Боря.

Лет пятнадцать назад я снимал один фильм в зангиатинской зоне и был лично знаком с мастерами, которые делали такие мундштуки и другие вещицы. Днем, среди грохота страшных допотопных ткацких станков, в жару и в пыли старого производственного корпуса, полуголые, с татуировками по всему телу, они выделявали грубую бязь. А вечером отводили душу, шлифуя наждачкой пластмассовые ручки для расчесок из алюминия. Из трехлитровых консервных банок, из прохудившихся кастрюлей, из зубных щеток, из проволоки, из черного хлеба они создавали маленькие шедевры.

– Ну ладно, надо до темноты закончить. У тебя правый задний амортизатор протекает.

Я засунул в новенький мундштук длинную сигарету «Кинг сайз», щелкнул зажигалкой, с удовольствием закурил.

– Ты похож сейчас на ту женщину – обольстительницу Раджа Капура из фильма «Господин 420»! – заявил Асик. – У неё тоже был такой длинный мундштук.

– Завидуешь? – разглядывая между затяжками «зеков-ское» изделие, спросил я.

– Курить вредно, – строго произнес Асик. – Вспомни про лошадь и каплю никотина!

– Я не лошадь, – парировал я.

– Ты не лошадь, ты слабак! И у тебя нет силы воли, чтобы освободиться от вредной привычки!

– Послушай, Асик! Когда ты отучишься от этого своего менторского тона? Я тебе что, пацан, что ли? И ты не учительница по домоводству! Хочу и буду курить!

– И употреблять алкогольные напитки? – опять с язвой в голосе спросил Асик.

– И это тоже не твоё дело!

– А ты посадишь печень! Хоть помнишь, что одна рюмка водки – это сильнейший удар боксера по твоей беззащитной печени? – Асик прямо-таки расплился. – Кроме того, алкоголь медленно разрушает твой интеллект! И я точно знаю, о чем ты сейчас думаешь, безвольный человек!

Да, Асик опять прочитал мои мысли. Ещё там, на выходе из театра, я подумал, как хорошо бы взять и грохнуть полстакана водки, закусить соленым огурцом и тут же, немедленно, повторить действие.

– Слушай, воспитатель: во-первых, я за рулем...

– Это для тебя не преграда, возьмешь и бросишь где попало свою машину, – перебил меня Асик. – А во-вторых?

Я растерялся. Не смог придумать предлог «во-вторых».

Вдруг отчетливо понял, что вечер сегодня пройдет вне дома. Что после первой рюмки вторая покажется намного слабей первой, а третья рюмка проскочит как родниковая водичка. И всё станет как-то легко и весело. А если рядом будет человек, как Боря, тебя охватит чувство необъяснимого, восторженного счастья и потрясающей расслабленности. И ты сможешь искренне рассказывать о себе, о своем детстве, о своей любви, о том, что не все мечты исполнились, но обязательно исполнятся. И от этого настроения захочется петь и раскачиваться в такт песне с уже какими-то совсем неизвестными, но приятными для тебя людьми.

– Ну вот, зазвенели тонкие струны души! Странные мечты обуяли его вольнолюбивый разум! – издевался надо мной Асик. – Неужели на тебя так подействовал этот бессмысленный поход в театр? Ты же все время долдонил, что у тебя есть иммунитет, что тебя просто так не проймешь! Что ты прошел суровую школу редакторской инквизиции на киностудии «Узбекфильм»? А здесь вдруг раскис...

Я сидел, опустив голову. Мне на самом деле было стыдно.

Асик помолчал, потом пересел совсем близко ко мне и вдруг почти ласково произнёс:

– Старик! Не вешай носа! Держи хвост пистолетом! Какие наши годы? Я знаю, как дорога тебе эта пьеса, я знаю,

как и где ты писал её... Но может быть, посмотришь на неё более внимательно и критично?

– Да, Асик, ты прав... Напишу ещё. И всё-таки обидно.

– Что, читаем дальше? – предложил вдруг Асик.

– Читаем.

«В этот момент во двор входит Санжар. В руках у него старый чемодан, плащ.

– Доброе утро...

Первым оглядывается Жданов.

– О-о! Кого я вижу! Санжар! Вернулся?

– Вернулся...

– Насовсем?

– Надеюсь...

– Поздравляю.

Из дома выходит Исаак.

– Исаак Давыдович! Здравствуйте...

– Ты?

– Я...

Они обнимаются. Исаак вытирает украдкой слезы.

– С возвращением, Санжар.

– Спасибо.

– Надо же... Пять лет. Пять лет! Сволочи!

Санжар смотрит на освещенное окно своей квартиры, идет к лестнице.

– А Хабибы нет дома, – говорит Жданов.

– Она у нас... – успокаивает Санжара Исаак. – Мамура

рожать собралась, а скорой всё нет и нет. Вот Хабиба и взялась сама... Золотая она у тебя.

Выходит растерянный Махмуд.

– Здравствуйте, Махмуд-ака, – говорит Санжар.

Махмуд не отрывается от окна.

– Уже началось... О Аллах, помоги ей...

Он вдруг узнает Санжара.

– Санжар! Ты?

– Я...

– Я и не узнал тебя... – Махмуд обнимает соседа. – Голова кругом... Мамура...

– Знаю.

– Лишь бы всё было нормально.

Он ходит взад и вперед по двору, заглядывая в окошко квартиры Исаака.

– Возьми себя в руки, Махмуд... – строго говорит Жданов. – Перестань маячить, садись! Ну, Санжар, рассказывай...

– О чем?

– О жизни своей...

– А что рассказывать... Не хочу вспоминать. Как-нибудь в другой раз, хорошо?

– А Хабиба тебя к осени ждала.

– К осени? Я же ей всё в письме написал. Из Солигорска телеграмму отбил... Странно...

Во дворе появляется молочница.

– Кисло-пресно молоко-о-о-о! Кисло-пресно молоко-о!

– Ну и глотка у тебя! Чего орешь, мы же не глухие, – недовольно говорит Жданов.

– А я не вам кричу, а тем, кто спит!

Из окна высовывается Броня.

– Исаак, возьми два литра и банку кислого...

Исаак идет в дом, выносит бидон и банку.

– Махмуд-ака, а вам молока не надо? – спрашивает молочница.

– Не знаю...

– Да что это с вами? Лица на вас нет! А Мамура где?

Из окна раздается крик Мамуры.

– Здесь она...

Молочница всплескивает руками.

– Рожает? Рожает! Ой, Мамурочка! Вот ей как раз надо будет много молока... Махмуд, неси бидон, для вас сегодня бесплатно!

Махмуд идет за бидоном.

Во двор входит разносчик телеграмм.

– Сагатовы здесь живут? – спрашивает разносчик телеграмм.

– Я Сагатов.

– Вот, распишитесь...

Санжар расписывается, читает телеграмму, со смехом передает её Исааку.

– «Встречай 15 мая зпт поезд 354 Красноярск тире Таш-

кент зпт целую Санжар тчк»... Да, связь... Ну, если телеграмма четыре дня добиралась, письмо свое жди к осени!

Слышен шум подъехавшей машины.

– Ну, вот и скорая... Не прошло и полгода... – говорит Жданов.

Во двор, не торопясь, входят санитары и врач.

– Кто тут Туйчиева? – спрашивает врач.

С бидоном в руке по лестнице спускается Махмуд.

– Я! Я Туйчиева! – кричит он.

В этот момент из окна раздается крик Мамуры и следом – пронзительный крик новорожденного.

– Вы слышали? Вы слышали?! Что это было?!

Врач бросается в дом.

– Мальчик! Мальчик родился! С крантиком! – кричит Ольга.

– Мальчик! – Махмуд плачет и смеется одновременно. – У меня родился мальчик! Аллах услышал мои молитвы!

Из дома выглядывает врач.

– Носилки, скорее!

Санитары бегут за носилками. Махмуд пытается прорваться в дом, Исаак отводит его в сторону, обнимает за плечи. Из дома выходит уставшая Хабиба с ребенком на руках. Мамуру, укрытую простынями, выносят из дома на носилках.

Хабиба в этот момент замечает Санжара. Передает младенца в руки врача.

Санжар и Хабиба медленно идут навстречу друг другу.

– Хабиба... Спасибо тебе, – слабым голосом говорит Ма-
мура. – И прости меня, ладно?

Хабиба не слышит её.

– Санжар...

– Хабиба... Здравствуй...

Они обнимаются. Долго стоят, словно застыв.

– Сумасшедшее утро! Прекрасное, сумасшедшее утро! –
говорит Исаак. – Эй, солнце! Ну здравствуй!»

– *Ужас как растянуто! Это конец первого действия?*

– *Нет, Асик, ещё один монолог Рассказчика снов.*

– *Так читай!*

«Время... Неостановимое, стремительное... Казалось бы,
это было совсем недавно... Вот только что! А прошло...
Прошло уже много лет... Изменился мир, изменились мы...
Мне уже за пятьдесят, и по ночам меня мучает бессонница.
Но я нахожу в этом положительное – выхожу на балкон, с
которого виден наш прекрасный город... Ташкент... Удиви-
тельный город... В предрассветной дымке я разглядываю но-
вые дома, широкие проспекты, густую зелень деревьев... Я
ощущаю этот дивный, ни с чем не сравнимый запах родного
города... И, как когда-то Исаак Давыдович, я жду, когда над
городом поднимется солнце. И я говорю ему: «Эй, солнце!
Ну здравствуй!»

– *Ничего сцена, – говорит задумчиво Асик. – Столкнове-
ние двух важных событий – рождения ребенка в семье Ма-*

хмуда и возвращения Санжара. У зрителей головы пошли бы кругом. А может быть, это и хорошо? А потом, здесь есть хорошая возможность для актерской импровизации. Хотя суматоха в жизни – это одно, а в театре – совсем другое... И для режиссера – интересная задача.

– В тебе пропал театровед, – усмехаюсь я. – Твоими бы устами да мёд пить!

– Нет-нет... Эта встреча Санжара после несправедливой отсидки со своей Хабибой должна быть очень эффектной. И именно на фоне всеобщей суматохи и криков.

– Ты это понял, а главный режиссер пропустил этот момент, – говорю я Асику.

– Да ладно, забудь про это! – говорит мне ободряюще Асик.

– Перекур! – вытирая ветошью руки, сказал Боря. – Выходи, что ты в машине сидишь? Хватит читать! Подыши воздухом.

Мы присели на низеньких табуретках.

– Значит, ты жил на Балыкчинской? – спросил Боря.

– Да, – ответил я. – Потом нашу улицу называли улицей Хамида Алимджана. Она начиналась от Пушкинской и упиралась углом в зоопарк. Её пересекала улица Свердлова, а от нашей улицы через короткую Маяковскую можно было выйти к парку Тельмана.

– Значит, в кино вы ходили в «тридцатку»?

– Да, а летом в парк.

«Тридцатка». «Кинотеатр имени тридцатилетия комсомола». Историческое здание. Раньше в нем был еврейский театр, и там выступала сама Вера Комиссаржевская. Здесь же, в Ташкенте, она заразилась чем-то и умерла. А потом в зале, где мы впоследствии просмотрели сотни фильмов, провозглашали советскую власть.

– Значит, ты знал и Сэра? – спросил Боря.

– Кто ж его не знал?

Худющий, всегда небритый, в плохонькой, мятой, но чистой одежде, он обычно сидел недалеко от кассы на скамейке и, закинув одну ногу на другую, беспрерывно курил крепчайшие сигареты «Памир». Вокруг него всегда толпились подростки. Он вызывал у нас жгучее любопытство. Низким и скрипучим голосом он говорил негромко: «Придет, придет конец проклятой совдепии! Увидите! Они за всё ответят, комиссары ваши!»

Милиционеры лениво отгоняли его от кинотеатра, но он упорно возвращался на свое место. Его не раз и не два раз забирали в кутузку. Говорят, даже поколачивали там. Но что было взять с этого хилого доходяги? Его считали сумасшедшим, и какое-то время он лежал «по пятому трамваю», то есть в ташкентской психушке. Когда вокруг никого не было, он обычно читал газеты или какую-нибудь книжку. У Сэра было плохое зрение, поэтому он сильно прищуривался и подносил текст близко к глазам, шевеля при этом губами. Он был в курсе всех происходящих в мире событий, помнил

по именам всех политиков того времени. «Лейбористы в октябре победят! – Он поднимал кверху тонкий указательный палец. – Помяните мои слова!» Кто такие лейбористы, мы, конечно не знали. Но его утверждения вызывали в нас уважение.

– Что это ты о нем вдруг вспомнил? – спросил я.

Боря затанулся, выпустил колечко.

– Потому что этот Сэр оказался пророком, – сказал он задумчиво. – Всё, о чем он тогда говорил, совершилось. И Союз рухнул, и советская власть провалилась в тартарары... А мы не верили.

Он поднялся.

– Слушай, а там, в твоей пьесе, есть про Сэра?

– Нет... Я же про свой двор...

– *Опять человека обманываешь!* – сказал мне Асик. – *Просто ты боишься писать о таком. Трусишь и заранее сам себя редактируешь: это можно, это нельзя, этого по-немножку, про это вообще молчок!*

– Послушай, давай как в тот раз. Поставишь машину у нас на стоянке, завтра заберешь, – предложил вдруг Боря. – Посидим где-нибудь, поболтаем.

– *Это он с радостью!* – хмыкнул Асик. *Он хорошо знал моё нынешнее расположение духа.*

– Шашлычок, сюззму, соленое на закусон... Идёт?

– Идёт, – быстро согласился я и проглотил слюну.

– Эх, до чего же ты слабовольный человек! – усмехнулся

Асик. – Ведь дома тебя ждут... И работать ты сегодня не сможешь... А статью для газеты обещал к завтрашнему дню!

– *Что-то ты разболтался, Асик!* – строго одернул я его.
– Мне минут на сорок работы... А ты, так уж и быть, читай, – сказал Боря и пошел дальше чинить машину.

Я сел на заднее сиденье и углубился в чтение пьесы.

«Второе действие. Вечер. За низким самодельным столиком играют в домино Исаак Давыдович, Тельман, Махмуд и Жданов. Неистово стучат костяшками. Собирающая с веревки белье жена Ольга вздрагивает при каждом ударе.

– А вот я дуплетом!

– Мимо.

– А четверочку не желаете?

– Пропускаю!

– Рыба!

Жданов хохочет пьяно, наливает из-под полы водку и быстро залпом пьет.

– Да чтобы они у вас поломались!

– Молчи, женщина! Как рыба молчи!

Из дома выходит Лола в нарядном платице, на высоких каблуках. Следом за ней Кумуш.

– И запомни: придёшь после десяти – я тебя домой не пущу! Так и знай.

– Ну мама! Мы же договорились... Только ходим с девчонками в кино, и я сразу домой. Ну честное слово!

Целует мать и убегает со двора. Ольга подходит с тазом белья к Кумуш.

– Красивая она у тебя... Тьфу-тьфу, чтоб не сглазить, – говорит Ольга, улыбаясь вслед Лоле.

– Ой, Оля, знаешь, как страшно! Каждый вечер куда-то убегает... Или появился у нее кто-то?

– Ну если и появился – это же замечательно!

– Боюсь я за нее... Возраст у нее такой... Опасный, говорят.

– «Говорят». Будто сама не была молодой! Хотя мы с тобой и сейчас не старые! Правда? Ой, иногда хочется, как Лолка, одеться красиво, волосы завить, марафет навести и рвануть на танцы!

– Ну ты скажешь – на танцы! – смеется Кумуш.

– А что? Ну хотя бы просто в парк сходить, людей посмотреть, себя показать... Но разве с этим, – она показывает на мужа, – куда-нибудь сходишь? Только и знает, что в домино стучать да водку глушить...

Она вздыхает тяжело, продолжает собирать белье.

– Оля, знаешь, у нашей бригадирши из прядильного цеха муж нашелся... А на него тоже похоронка была... Он где-то в плену был... Контуженный, а вернулся. Живой.

Ольга обнимает соседку.

– Послушай, муж твой погиб пятнадцать лет назад.

– Шестнадцать...

– Ну, шестнадцать... А ты все на что-то надеешься... Ка-

кие твои годы?

Все на сцене замирает. Рассказчик поднимается на сцену.

Рассказчик снов:

– Отец Лолы, муж Кумуш, военный корреспондент Фархад Гизатуллин погиб в самом конце войны, в Польше... У них дома долго хранился последний треугольник с фронта... Там был нарисован самолет и написано: «Вот на таком самолете папка прилетит к своим девочкам, любимой Кумуш и крохотульке Лолочке. Ждите. Война скоро кончится. Целую, папка!» Не прилетел. Шальной снаряд попал в «виллис».

Возникает мелодия «Синий платочек» на аккордеоне. А может быть, «Голубка».

– Вот, подумал и о музыкальном оформлении спектакля. Молодец! Только кто это оценил, автор? – нудит Асик.

Я не слушал ворчание Асика. Вспомнил парк Тельмана. Там была танцплощадка, с оградой, музыкальной раковиной. Кстати, во время войны именно там снимали фильм «Два бойца». Так вот, рядом под аккордеон танцевали женщины... Мне было странно – чего это они танцуют «шерочка с машерочкой»? Только потом, спустя годы, я вдруг понял: им просто не с кем было танцевать! Миллионы красивых, здоровых, прекрасных женщин остались одни... Наедине со своей красотой, наедине с нерастраченной нежностью, наедине со своими сокровенными желаниями... С мокрыми от слёз подушками. Целое поколение было лишено простого человеческого счастья, целое поколение было выбито из жизни!

Когда я просматриваю гороскопы, в которых судьба зависит от звезд, от знаков зодиака, от месяца и года рождения, я думаю, какой же проклятый гороскоп нагадал нашим несчастным матерям их судьбы? А по каким звездам миллионы людей погибли на войне, а другие были расстреляны в сталинских лагерях? Нет, я не верю в гороскопы. Только злая воля людей, власть лживых идей, темных предрассудков, комплексы национального превосходства калечат судьбы...

Рассказчик уходит со сцены. Действие продолжается. Ольга замечает, что Жданов опрокидывает стакан водки. Бросает белье и подходит к компании, достает из-под стола пустую бутылку.

– Так ты здесь в домино играешь?

– Ну не на пианино же!

– И когда ты перестанешь лакать эту проклятую водку? И кто ее выдумал?

– Говорят, арабы! Аль-когол!

– Я вот сейчас разобью эту бутылку о твою башку! Я тебе покажу арабов! – Она замахивается бутылкой.

Жданов пьяно смеется.

– Ну давай! На фронте не добили, так ты добей!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.